

СЫНОВЬЯ

(Окончание. Нач. в №104).

Но стоило старику избавиться от мыслей о Ваське, думы шли к тому собранию, что недавно проводил бригадир Кулешов. И подумаешь, осерчал, что стадо краем гречишного поля прошло. Не усмотрел, как стадо завернуло в сторону, заметался, залюбовался синим родничком. Пока таволожкой от кнута подравнивал краюшки этого прохладного бегунка, а коровы и влезли в ту самую гречиху. Будь она неладная, та самая гречиха. Есть-то не ели, а потоптали. И потоптали самую малость.

В общем отстранили от пастушьего дела. Эдак ласково, мол, не имеем права нарушать заслуженную старость. Ишь, заслуженную...

Мягко стелет, да жестко спат. Только и полночь наступила, но уже не спится, не ложится Федору в постели. Нет сна — хоть убей.

И другая беда на старика навалилась. Прожил семь десятков лет, а вот борода никогда ему не мешала, будто и не было ее вовсе, а теперь поверх одеяла ее уложит — мешает, под одеяло устелит — мешает...

Дочь сегодня в ночной смене, на дежурстве, а старику одному в доме и совсем одиноко. Сердце тоскует о чем-то непонятном, утерянном. Вот и пойми сам себя. С чего бы такое могло напугать?

Федор Акимович снова поднялся с постели, оделся и вышел за дверь. По звездному небу уже шла светлая луна. Деревня лежала притихшая, отдыхая после дневных хлопотливых буден. Огонь в кухне дома Кулешовых потух, и теперь дом стоял нахохлившись, следил, как неуверенно проходил мимо старик.

Стараясь не смотреть на этот дом, Федор вышел за деревню. Он свернул с дороги на травы и пошел напрямки, к местам, которые он знал до единой былиночки. Сердце билось в худой груди быстро, с мелкой колотью. Это было от ходьбы, от прилива свежего ночного воздуха. Воздух ломко врывается в грудь, и дышать становится почему-то не свободно, как хотелось старику, а тяжело. Федор Акимович эту тяжесть в дыхании отнес к быстрой ходьбе и совсем убавил шаг.

Прямо в лицо криво улыбалась желтая луна. Поди над немощью старика? Нет, он еще поживет, походит по этой зем-

ле. По своей земле. Он имеет на то право. Сколько поту в нее пролил он своего. От пота земля куда добрей стала.

Осиянный лимонной россыпью, настороженно встретил его березовый колок. Федор Акимович шел бездумно, безо всякой цели, а на сердце все томило, хотелось что-то найти, что бы его освободило от мелкой колоты в груди, от обид на Кулешова, на внука.

Двигался сторожкой торопью по березняку и думал, что надо бы отдохнуть, но сам не останавливался, а шаркал и шаркал ногами по спутанной траве, наступал на ломкие сухие ветки и ждал, когда снова откроется пространственность, угадается в лунном свете широкий лог.

Только сейчас мелькнуло в сознании старика, что он и хотел именно к этому логу прийти. Заторопился, задышал чаще, суетней завмахивал руками.

Кончился лесок. Старик остановился, пошарил глазами вокруг и взял чуть вправо. Вот то место, давнее-давнее. Вот у этих пней был построен шалаш в довоенные еще годы. На этот лог выходили всей деревней раньше на сенокос. Праздник был — сенокосная поря.

В тот день они сидели с Мариной у шалаша на этом месте и смотрели за спорой косьюбой своих сыновей Андрея и Семена. Шли они рядом, высокие, по пояс обнаженные, коричневые от загара и лицом сосредоточенные. Силой мерялись сыновья, а Федор и Марина не сводили с них счастливых, горящих гордостью глаз.

Федор Акимович стоял на дрожащих ногах, прижимая руку к сердцу, унимая его, и не замечал перед собой зыбкой пльвучести всей земли в лимонном свете. Туманились глаза, заходило сердце, и тут он отчетливо услышал голоса, знакомые до боли. Федор Акимович оглянулся на голоса и увидел: к нему подходили сыновья. Старик счастливо заулыбался, протянул навстречу руки, его мягко подхватили, и он опять услышал родные голоса:

— Ниче, папаня, мы еще прокосик сделаем и тогда — обед...

Луна неожиданно завалилась в сторону и пропала за спиной старика.

// Заветы Ленина,
1976,
2 сентября, с. 4.